

Мать Ван Чэна, словно разъяренная тигрица, уперла руки в бока, и ярость ее клокотала, готовая вырваться наружу: «Вы только посмотрите на нее! У нее шкура, толщиной с кору векового дерева, один только страх в глазах – страх смерти! А уж выносливости ей не занимать!»

Если эта старая карга осмелится снова затянуть строительство школы, скрутите ее веревками, да и забудьте о еде и питье дня на три, чтобы дурь-то и выветрилась!»

«Ладно!»

Тетя Ван, дрожа от ужаса, прикрывала кровоточащую рану на лбу. В ее арсенале остались лишь такие приемы, как слезы, крики и угрозы самоубийством. Но теперь, когда они не производили на жителей деревни ни малейшего впечатления, она не решалась на более отчаянные меры. И тут, словно гром среди ясного неба, в нее врезался ком грязи. Тетя Ван снова взывала от боли.

Ван Чэн, подбежав, гневно закричал: «Я видел! Это ты запустила грязью в брата Ли Цина!»

«Что? Тетя Ван посмела обидеть брата Ли Цина?» Еще несколько сорванцов, словно стая диких щенков, выскочили вперед, роя землю и забрасывая ею несчастную женщину. «Плохая женщина! Она не дает нам учиться! И еще смеют издеваться над моим самым лучшим другом!»

Тетя Ван, съежившись в жалкий комок, беспрестанно стонала. Всего-то и хотела – сорвать куш, а в итоге навлекла на себя гнев всей деревни. Теперь даже дети издеваются! Знала бы она, чем все обернется, разве стала бы затевать эту канитель?

Жители деревни обменивались взглядами, но никто не спешил остановить разбушевавшуюся детвору. Да что те комья грязи – пустяк, не причинят они вреда. К тому же, все те пакости, что творила тетя Ван годами, не смоешь и ведром грязи. Увидев все это, люди выдохнули с облегчением.

Сун Цзяшу усмехнулся, глядя на сияющего юношу: «Сяо Цин, да тебя тут все любят! Настоящий любимец публики».

Волна эмоций нахлынула на Ли Цина, и он смущенно улыбнулся: «...просто, наверное, мои конфеты и шоколадки пользуются популярностью».

Лицо Ли Хуайшэня становилось все суровее по мере того, как он вслушивался в их разговор.

В этот момент сквозь толпу пробирався помощник, который поспешил к нему: «Господин Ли, человек, которого вы ждали, прибыл!»

Среди толпы пробежала волна возбуждения, когда к ним поспешно направился мужчина в строгом темно-сером костюме, сопровождаемый своим верным помощником.

Один наблюдательный житель деревни тут же узнал его: «Эй? Да это же сын тети Ван, А Хай! Вот это вымахал, богатым горожанином стал! И не узнать ведь сразу».

Ван Хай, поправив очки в черной оправе, немного неловко поздоровался: «Дядя Гэнь, здравствуйте, это я».

«А, Хай, наконец-то вернулся! Присмотри за своей матерью, не дай ей тут дурака валять».

«Да, конечно», – поспешно ответил Ван Хай, его лицо залилось краской смущения. Он бросил мимолетный взгляд на тетю Ван, прижавшуюся к стене, и в его глазах промелькнули искорки стыда и гнева, но ему ничего не оставалось, как извиниться перед всеми... «Дяди и тети, простите меня от всей души. Я слышал от помощника господина Ли, что моя мать доставила немало хлопот деревне и съемочной группе!»

Ван Хай вел себя предельно учтиво, кланяясь и извиняясь на каждом шагу. «Пожалуйста, позвольте мне поговорить с ней по-хорошему. Я обещаю, что она больше не будет вмешиваться в строительство школы».

Тетя Ван, наконец, очнулась от боли и, увидев своего ненаглядного сына, которого так давно не видела, расцвела от нескрываемой радости. Забыв о боли, она бросилась к нему с криком: «А, Хай! Это ты! Наконец-то ты вернулся!» Грязные отпечатки от ее ладоней остались на его безупречном костюме, заставив Ван Хая нахмуриться.

Но тетя Ван этого не заметила. Словно обретя долгожданную опору, она выпрямилась и заявила: «Вы видели? Мой сын вернулся! И если кто-нибудь из вас еще раз посмеет меня обижать, мой А Хай вам этого не простит!»

Она перевела свой взгляд на съемочную группу, тыча пальцем и крича: «Сынок, это они! Они силой захватили нашу землю!»

Столкнувшись с холодным взглядом Ли Хуайшэня, Ван Хай невольно сглотнул.

«А Хай, вот что я тебе скажу: если ты будешь стоять на своем, этот участок земли может принести тебе миллион! Я отдам тебе все эти деньги...»

«Хватит!» – Ван Хай в ярости оттолкнул руку матери. «Мама, перестань дурачиться! Тебе что, мало позора?»

Тетя Ван, словно громом пораженная, застыла на месте, увидев гневное лицо сына. Ван Хай, сорвав с себя пиджак, указал на полуразрушенный дом, служивший им жилищем. «Вы только посмотрите, это наша земля? Да ее нам с матерью подарили односельчане после смерти отца!»

«А Хай, что с тобой...?»

«Жители деревни помогли мне получить высшее образование, а ты, как последняя негодяйка, мешаешь им строить школу! Бессовестная ты!» Ван Хай, задыхаясь от гнева, дважды ударил себя по лицу. «Совести у тебя нет, а у меня она есть! Я пахал как проклятый все эти годы, чтобы заработать денег и оплатить за учебу. Построил дом для нашей семьи, чтобы дяди и тети могли мной гордиться!» – надрылся Ван Хай. «А теперь ты хочешь миллион? Да где они его возьмут, скажи на милость?!»

«Или тебе мало денег и вещей, что я тебе регулярно присылаю? Надо было устроить этот балаган, выставить себя на посмешище перед всей деревней, да?»

Все замолчали, пораженные гневной тирадой Ван Хая.

«...» Даже тетя Ван опешила. Ее лицо побледнело, и она прошептала: «А, Хай, нет, мама... мама хотела, чтобы эти деньги достались тебе».

«Я сам могу заработать! Мне не нужны грязные деньги!» – отрезал Ван Хай, в его голосе прозвучало разочарование. «Каждый раз, когда ты прикрываешься именем моего отца и

грозишься покончить с собой, ты попираешь его память! Мать, положи руку на сердце, осмелишься ли ты посмотреть ему в глаза после смерти?»

Зрачки тети Ван сузились, и она невольно покачала головой: «...Ах Хай, не говори так».

«Прекратить мне указывать? Да сколько можно это терпеть?» Ван Хай, с горечью вытирая слезы, произнес с иронией: «Сколько я тебя терпел? Да разве ты не знаешь? Не в ту семью я родился, чтоб иметь такую мать!»

Тетя Ван была потрясена, а затем разрыдалась: «Неужели ты думаешь, что мне нужен был этот миллион? Да все из-за тебя... ты никогда не приезжаешь! Мама хочет тебя видеть, но у меня ничего нет, поэтому я только... пытаюсь хоть как-то раздобыть денег». Рыдая, она вновь схватила Ван Хая за руку: «Мама просто хочет тебя увидеть, Хай!»

«Хватит оправданий», – Ван Хай оттолкнул ее и покачал головой. «Почему я не возвращаюсь? Да это ты меня выгнала! Когда я привел твою невестку, помнишь, что ты сделала? Ты первым делом потащила ее по соседям, чтобы выпрашивать объедки! Ты выставила нас на потеху всей деревне!»

Лицо Ван Хая исказилось от стыда при воспоминании об этом случае. «Мама, я сейчас здесь перед всеми жителями деревни объявлю! С этого момента тебе никто не указ! Это в последний раз, и я тоже не указ!»

Увидев решительное выражение лица сына, тетя Ван подкосилась и рухнула на землю. На этот раз она действительно испугалась.

«Ах Хай, мама ошиблась! Не говори так, я исправлюсь, слышишь? Я стану другой, хорошо? Я просто ослепла от жадности, совсем потеряла голову!» – стенала тетя Ван, чувствуя, словно муравьи роются в ее сердце.

Чего люди боятся больше всего? Одинокой и нищей старости! Как она выживет без поддержки односельчан и даже без единственного сына, которого она оттолкнула своей ненасытной жадностью? Знала бы она, чем все обернется, никогда бы не совершила этот наглый поступок!

Жители деревни вздыхали и качали головами; никто не встал на защиту тети Ван. Сама заварила эту кашу! ... Вскоре после этого тетя Ван потеряла сознание от слез, и Ван Хай, в конце концов, отвез ее домой и позаботился.

Узнав, что школа будет построена как и планировалось, жители деревни вздохнули с облегчением и забрали своих детей домой, не желая доставлять хлопот съемочной группе. Съемочный процесс возобновился, и ответственный сотрудник усердно координировал работу.

Ли Цин бросил взгляд на Сун Цзяшу, которая заканчивал макияж, а затем поспешно подошел к Ли Хуайшэню и с улыбкой спросил: «...Почему ты решил позвать сына тети Ван?»

«Иногда некоторые «ножи» можно заточить, только нанеся удар по самым близким», – ответил Ли Хуайшэнь.

Вчера староста рассказал ему, что Ван Хай работает в небольшой фирме в Жуйчэне. Во время праздников он отправлял деньги и вещи для тети Ван, но сам так и не возвращался. Должно быть, он был недоволен поведением своей матери.

«Я отправил помощника Чжана в Жуйчэн, чтобы он немного «помог» ему принять правильное

решение», - в голосе Ли Хуайшэня послышались нотки напора. «Теперь Ван Хай сам знает, что ему делать».

«Неудивительно, что я заметил, как Ван Хай тебя немного побаивается».

Ли Цин задержал взгляд на холодном лице мужчины и с насмешкой: «Президент Ли действительно внушительен, он может запугать людей одной своей аурой».

Ли Хуай посмотрел на него пронзительным взглядом.

«Я уезжаю».

«Что?» - Ли Цин был ошарашен.

«Возвращаюсь в Сичэн», - Ли Хуайшэн пристально смотрел на него, в его глазах мелькнул слабый, нечитаемый блеск. «Чтобы тебе не приходилось меня так усердно избегать, если я останусь еще ненадолго».

Почему-то вторая часть предложения прозвучала гораздо тише. Ли Цин почувствовал себя немного виноватым.

«...С чего ты взял, что я тебя избегаю?»

«Разве это не так?» Брови Ли Хуайшэня слегка дернулись, и он задал обескураживающий вопрос: «С тех пор, как ты прижался ко мне во сне прошлой ночью, ты каждое утро избегаешь меня».

Ли Цин быстро прикрыл рот рукой и закашлялся: «Ничего подобного, ты преувеличиваешь. Что такого, если два взрослых мужчины спят вместе? Ты все еще мой старший брат, я...»

«Я не такой», - внезапно перебил его Ли Хуайшэнь, смысл его слов был неясен.

Ли Цин опешил и поднял взгляд. «Что?»

Не успел он произнести эти слова, как раздался голос: «Дизайнер Ли, мы сейчас начнем съемку».

«Хорошо, я сейчас приду», - ответил Ли Цин.

<http://bllate.org/book/14669/1302372>